ПОСЛЕ ДВУХЛЕТНЕГО МОЛЧАНИЯ

Бывший редактор газеты «Юность», поэт Евгений Чеканов – о себе, о стране, о литературе

- Почти два года довольно известного журналиста не было слышно. Это было сознательное молчание, или просто новая работа, новые условия не давали возможности появляться в средствах массовой информации?

- Ну, а что такое «не было слышно»... Если имеется в виду, что я не публикую каких-то публицистических вещей, прогнозов или чего-то в этом духе, то я этому очень рад. Я, наконец, осуществил свою давнюю мечту, которая меня обуревала по крайней мере года три во время моей работы в газете: я ушел. Я, как тот колобок, «ушел» от политики, от газеты. И если нельзя сказать, что я стал коммерсантом (потому, что то, что я делаю, вряд ли можно назвать коммерцией, это, скорее, «бултыхание лягушки в молоке» – с надеждой, что оно превратится в масло), то, во всяком случае, обретена внутренняя свобода. Я ни от кого не завишу, никто не может мне ни приказать, ни указать. Единственный мой начальник – это налоговый инспектор, а на все остальные структуры я могу поплёвывать. Я в самом деле хотел уйти – и ушел.

- Если не секрет, чем вы сейчас занимаетесь?

- Ну, как я уже сказал, коммерсантом меня назвать нельзя. Потому, что это не коммерция. Те деньги, которые есть на счету предприятия, которым я руковожу, – это такой мизер, что просто смешно об этом говорить. Но, тем не менее, это позволяет мне и моим сотрудникам хоть как-то держаться на плаву.

Коммерция, – ведь это что такое? Это когда ты имеешь прямой вход на какое-нибудь предприятие и получаешь там по дешевой цене шины, моторы, еще что-то, – и потом это продаешь по рыночной цене. Вот это – коммерция, на сегодняшний день. Люди оперируют миллионами. А мы – бедные, можно сказать, на грани нищенства...

Весь ведь вопрос – в ценностях. Для меня эта внутренняя свобода, ощущение, что на тебя никто не давит и не может давить, – большая ценность.

- Ваше предприятие занимается, главным образом, издательской деятельностью?

-Да, это, прежде всего, издательская деятельность. У нас есть лицензия, мы издали несколько брошюр, которые принесли нам какие-то деньги. Для души тоже пытаемся что-то делать. Вот недавно издали книжку молодого ярославского поэта Алесандра Белякова, собираемся издать Василия Якупова, представителя нашей «авангардной» поэзии...

- Однако в «памяти народной» вы, наверное, еще долго будет известны как бывший редактор газеты «Юность». Человек, который превратил довольно скромную «молодежку» в газету с тиражом свыше 40 тысяч экземпляров. Можно ли говорить о том, что это было пиком вашей деятельности в средствах массовой информации, нет ли опасности, что теперь постоянно к имени Евгений Чеканов будут добавлять «бывший редактор «Юности»?

- Да, мне чего-то удалось добиться в свое время на посту редактора, но, честно говоря, я не хотел бы, чтобы только такая память осталась. Это все-таки длинный, но эпизод в моей жизни. Я хотел бы остаться поэтом (и, может быть, даже прозаиком, если удастся).

- В связи с этим такой вопрос. Вы член Союза писателей, публиковались во многих «толстых» журналах, автор нескольких книг. Какие процессы, на ваш взгляд, происходят сейчас в нашей литературе?

- Об этом я могу говорить очень долго... В прежние времена членство в Союзе писателей означало, что регулярно пишущий человек может и регулярно издаваться, будучи дотируемым государством. Например, что касается поэзии, то она себя никогда не окупала, и те деньги, которые тратились на печатание и гонорар автору, были дотацией. Теперь, естественно, всё не так. Никто тебя не дотирует. Никому ты не нужен со своей

поэзией. И это очень хорошо. Наконец, вся эта ерунда, которая заполняла прилавки магазинов, ушла в прошлое. Вот когда поэзия (или проза) не будет приносить никакого дохода, – только тогда она будет настоящей поэзией! Так что я приветствую то положение, которое сложилось. Я думаю, что сейчас самое время для расцвета новых талантов.

Настоящей литературы всегда, во все времена было мало, она постоянно «пробивалась» сквозь литературу коммерческую или вырастала из нее. Если же мы будем уповать на внимание и помощь литературе со стороны государства, то... лучшего времени, чем при Сталине, – не было. Иосиф Виссарионович сам читал практически все книги, выдвигаемые на Сталинску.ю премию. Лидер (князь, царь, генсек) интересуется всем, что пишут! Об этом кое-кто мечтает... Но ведь мы не хотим этого! Мы не хотим к этому вернуться, потому что у генсека – очень ограниченный кругозор. Значит, мы должны идти тем путем, каким шли все писатели XIX столетия. Достоевский писал для денег, по договору. Некрасов сначала выигрывал в карты миллион, а потом что-то писал... Поэтому ситуация, я считаю, – нормальная.

- Возвращаясь к средствам массовой информации, – что вы можете сказать о нынешней ситуации в ярославской провинциальной журналистике?

- Мне бы не хотелось никого обижать. Я довольно терпимо отношусь к людям, к их позициям. Но провинциальная журналистика, как была провинциальной, такой и осталась. Во всяком случае, я не вижу каких-то новых «звезд». Почти все имена, которые мелькают, мне известны. Честно говоря, я отношусь к газетам достаточно снисходительно (как к жанру). Я – «розановец», а Василий Васильевич однажды сказал, что газеты так же пройдут, как «вечные» войны, как турнюры женщин, постепенно люди отвыкнут от газет... В годы «застоя» мы привыкли переоценивать влияние газет, их значимость. Печатное слово для нас приобретает какой-то мистический смысл. А на самом деле просто собрались пять человек, каждый «ударяет» кто во что горазд, и вот «делают газету»... К мнению газеты нужно относиться так же, как к мнению любого случайного человека. Уход из газеты мне помог это еще глубже осознать.

Ну, я вижу, кто по-прежнему хорошо пишет в «Северном». В «Золотом кольце» Ира Ваганова, конечно, – живой, хороший стиль... Честно говоря, я даже не выписываю этих газет. Я время от времени покупаю сразу пачку местной прессы, прочитываю и убеждаюсь, что всё осталось на прежних местах...

- Тогда, в конце 1990 года, у вас была репутация «правого» журналиста. Каковы ваши политические взгляды сегодня, что, с вашей точки зрения, происходит сейчас в нашей стране?

- Репутацию «правого» я получил, главным образом, благодаря двум моментам: публикациям стихов в так называемых «правых» журналах и, в основном, благодаря нескольким публикациям по «еврейскому вопросу». А ведь я ничего нового не сказал! Я просто сделал «выжимку» из вышедшей в издательстве «Юридическая литература» книги «Палестина в петле сионизма» (которая, в свою очередь, опиралась на книжку американского еврея Лилиенталя и рассказывала о реальной власти этой этнической группы в Америке). После этого «группа интеллигенции» (назовем ее так) с одного из ярославских предприятий написала письмо Горбачеву, в обком партии пришла бумага – разберитесь, нет ли у вас «антисемитизма»...

Всё это я объясняю провинциальным мышлением. Я не считаю себя ни «правым», ни «левым». Я бы сказал так, что я – умеренный, консерватор, ничего радикального во мне нет. Надеюсь, что я – христианин, а для христианина «нет ни эллина, ни иудея». Мне кажется, что сильно я никого не обидел (если некоторые люди так считают, то они, видимо, несправедливы). Тот же Невиницын с моей помощью обосновался в Ярославле, поменял квартиру. Тот же Ермолин работал в тепле и сытости у меня достаточно долго. Степан Киселев вообще далеко забрался, аж к Френкелю, в «Нью Йорк Таймс»... Не думаю, что наши так называемые «радикалы» могут обижаться на меня. Впрочем, как хотят...

Теперь относительно сегодняшней ситуации. Я – человек, подверженный различным веяниям, и могу в определенный момент быть, например, под впечатлением какой-нибудь передачи, или статьи. Но в целом – я сторонник «термидора», сторонник власти парламента, сохранения его. Мне нравится Хасбулатов, мне нравятся здравомыслящие люди в парламенте. Мне нравится, что к власти приходят люди, которые в этой жизни хоть что-нибудь могут сделать руками, а не только языком или пером.

Так что я буду приветствовать, если власть перейдет к промышленникам, к «генералам индустрии». Кроме всего прочего, это еще и просто нормальные люди. Нельзя доверять государство людям с искаженной психикой. Писатель, поэт может позволить себе быть полусумасшедшим, тому в истории масса примеров. Но политический лидер, глава государства должен быть трезвым, расчетливым. И, конечно же, патриотом.

- В «Юности» вы вели рубрику «Прогноз на завтра». В заключение беседы попробуйте это сделать на страницах нашей газеты.

- Чрезвычайно трудно это сделать... Но, как мне кажется, некоторые факты из недавнего прошлого доказывают, что всё должно кончиться как-то хорошо, и наступит та самая, предсказанная Львом Николаевичем Гумилевым, «золотая осень» нашего этноса. Это проявилось в период «путча». Что произошло? Павел Грачев говорит: «Если бы я ударил, за мной бы пошли все остальные». Но он не ударил! Этот человек не захотел лить кровь. Да ведь и Крючков не пролил крови, и другие члены «ГКЧП». Это люди, у которых (может, пока не на генетическом уровне, а только в сознании) сделан вывод: «Не нужно крови!». Происходит чрезвычайно любопытная вещь: включается механизм самозащиты этноса. Люди начинают понимать, что можно полностью исчезнуть с лица Земли. Это тот же самый механизм, который запрещает инцест, каннибализм... Я надеюсь, что и те, и другие, и Стерлигов, и Гайдар, когда дело подойдет к крайней точке, поступят точно так же, как Хрущев и Кеннеди. Мы можем как угодно ненавидеть политические взгляды друг друга, но когда передо мной стоит не взгляд, а человек, исповедующий этот взгляд, то я не могу его убивать! Всё это вселяет надежду, что компромисс будет найден.

А реально может быть следующее: на некоторое время – власть парламента, затем выдвижение им этакого спасителя нации, типа Пиночета, Франко, де Голля. Я всеми фибрами души жду появления такого человека. И написал об этом стихотворение, которое и предлагаю читателям «ЯС». Написано оно было под впечатлением от известной строки Блока: «Победоносцев над Россией простер совиные крыла». Я подумал, что сова – символ мудрости, и что крылья этой мудрой птицы могли бы быть раскинуты снова.

СИРИН

В бедном краю, средь мышиных равнин
Жду луноокую птицу Сирин.
В темном столетье не видно ни зги.
Вот она, вот она чертит круги!

Вот она мчит над холмами знамен,
Вот огибает поверженный трон.
Села поодаль – и с той стороны
Глянули вдруг две зеленых луны.

Что ты тут делаешь, птица Сирин?
Лучше б летала меж диких маслин,
Лучше б спала на ромейском холме…
Что ты тут делаешь, в горестной тьме?

Слышу в ответ сквозь столетнюю мглу

Хохот веков: «Улу-ла! Улу-лу!»
Эхо смолкает. Как смутные сны,
Медленно гаснут две круглых луны.

Годы проходят. Не видно ни зги.
Мыши кругом – не поставить ноги!
Тлеют знамена, и выход один:
Ждать луноокую птицу Сирин.

Вот она прянет из бездны времен,
Вот она сядет на брошенный трон,
Вот забубнит: «Улу-лу! Улу-ла!»
И над равниной раскинет крыла...

Интервью взял
Владимир *КАЛУГИН*

Газета «Ярославский студент», 30.11. 1992